

Рос. газет. - 1987 - 15 марта - с. 6

БЫЛОЕ И ДУМЫ

К Распутину в Москве до сей поры сложные отношения. Людмила Зыкина уже давно запела под патронажем своеобразного Моисеева. А Валентин Распутин, подписавший с ней, в частности, обращение накануне ГКЧП, и сейчас на подозрении у некоторой части особо либеральной общественности. Но это одна сторона.

Другая — вряд ли у кого язык повернется опровергнуть, что Распутин талантливейший писатель. И коли называть вещи своими именами, это большая удача русской литературы.

Если исчислять наше знакомство, то ему 15 лет. Стало быть, сейчас Валентину Григорьевичу 60, а тогда было 45... Помню это позднее лето. Поездка на дачу.

раз три читателя: Распутин, Крупин и его жена. Когда отдал тексты, понял, что наделал: три самых взыскательных редактора разошлись по комнатам. Ну, думаю, все — тексту конец... Через полчаса Распутин выходит, улыбаясь. Доволен.

Но вопрос один. В те годы Валентин Григорьевич придумал эффектное выражение: "Если

но, нет... Почему же меня не предупредили?" Пользуясь моментом, я закрепляю успех: "Вот видите, Валентин Григорьевич, а вы там член редколлегии — и у вас самого Господа убрали! А у нас вам вписали каких-то мелких ястребов!"

Еще одна встреча. Иркутск. Примерно 90-й год. В стране уже достаточное напряжение, чтобы сомневаться друг в друге — даже если знакомы много лет. На сей раз меня Валентин Григорьевич принимает не дома. Да и разговор несколько другой. Примерно в эту пору появилось несколько хлестких разносных

«Господи, не бросай нас, мы так одиноки...»

Эта короткая фраза-молитва из рассказа Валентина Распутина стала, быть может, нервом всего его творчества. Сегодня выдающемуся русскому писателю — 60 лет

Медь деревьев под Иркутском. Англичанка, переводившая "Прощание с Матерой", пытается по дороге выяснить некоторые лингвистические тонкости. "Валентин Григорьевич, — спрашивает от автора прямо, — один из ваших героев постоянно употребляет слово "курва". Это от какого слова? От слова "курить" или от слова "кураца"? Мы смеемся, обмениваясь взглядами. Распутину — 45. Джинсы, свитер, седины немного. Вообще-то, молодость, впереди целая жизнь...

Примерно в то же время суть таланта Распутина определил в разговоре со мной в Минске Василий Владимирович Быков. "Я график в прозе, резкий штрих, черное — белое, — говорил Василий Владимирович, — а Бондарев, скажем, живописец. А Распутин, кажется, и живописец, и скульптор. Чтобы высказать мысль, "останавливаю" действие. У Распутина мысль выходит прямо из образа..."

Так сказал Быков, примерно так. Не знаю, сколь сильно они нынче разошлись. А тогда, в 82-м, была сильная взаимная симпатия.

Первое знакомство. Просторная квартира в Иркутске. Хрустальный графин на столе. А я привез с собой "портативный" магнитофон тогдашнего образца килограммов на 10. Распутин, как увидел его (может, и размеры устрашили), сказал, показав глазами на графинчик: "А давайте сегодня говорить без записи". Так и поговорили. Даже ручку и блокнот я почел за лучшее не доставать. Вечером приходил в гостиницу и записывал разговор. Утром читаю, а Распутин смеется: "Это я говорил! Это тоже. А вот это нет... Хотя нет, оставьте. Удачно сказано".

Из тех первых разговоров — воспоминания о молодости, о Вампилове. Как подрабатывали на Байкале с лекциями, надев черные траурные костюмы и галстуки в самую жару. Освещали на теплоходах страждущим духовной пищи состояние современной зарубежной литературы. Или как с первыми гонорами летели из Москвы и застряли в аэропорту Новосибирска. Стюардесса их приоттила в комнату — много тогда пролилось шампанского и сильно "похудели" гонорары...

А это уже другие рассказывали. Когда Вампилов погиб, к его гробу собралось много народу. В том числе и секретари обкома на черных "Волгах". Вспоминают, Распутин горестно и громко тогда сказал: "Слетаются вороны..."

Я написал для "Комсомольской правды" большую беседу с полуопадальным Распутиным. Перепечатал. Воскресенье. Я дома. Простуда. Дождь за окном. Звонок писателя Владимира Крупина: "Валентин в Москве проездом. Если хочешь, приезжай". И вот я сгоряча беру еще неопробованный в редакции текст, еду. Для пущего усугубления прихватил три экземпляра. А там как

бы Пушкина воспитывала не Арина Родионовна, но Алла Пугачева, то, вполне возможно, вырос бы не Пушкин, а Дантес". Зная заранее, что тогдашняя редакция в этом контексте имя певички не пропустит, я не стал называть ее. "Валентин Григорьевич, но что вы сравниваете себя и певичку!" На что мне он мне гневно: "Да что я, воробей в сравнении с ней?!" Распутин не согласился. Но, увы, я оказался прав: при публикации имя певички было вычеркнуто.

Однако самое забавное было впереди. Я печатаю беседу. Она прошла сито главной редакции. И у ведущего редактора, сегодого молодежого красавца с хэмингуэвской трубкой, вроде бы нет вопросов и предложений, кроме одного. Я получаю его правку. В фразу "сейчас над миром нависла тень ядерного уничтожения" вписано уточнение: "по вине заокеанских ястребов". О, Господи! Распутин — и специфический цэковский сленг про "ястребов"! "Я прошу чуть только не на коленях убрать "ястребов" или хотя бы вписать их в мои слова. Но седовласый ведущий, окуривая меня ароматным дымом и одаривая белейшей улыбкой, успокаивает: "Мы итак много делаем для него. Переживет!"

Вечером соображаю, что делать. Нахожу рассказ Распутина "Что передать вороне", на днях опубликованный почти одновременно в журнале и газете. И вижу: в журнальной публикации исчезла ключевая фраза. Любопытно: исчезло согласие автора или нет? Звоню Распутину. Конечно "ястребы" не прошли мне даром. Но лучшая оборона — нападение. Я говорю: "Валентин Григорьевич! В вашем замечательном рассказе, а он действительно замечателен, была великодушная фраза: "Господи! Не бросай нас, мы так одиноки!" А в журнальном варианте ее нет? Это с вашего согласия ее убрали?" Распутин молчит, чувствую, ищет журнал, сверяет текст. И говорит: "Действитель-

статей по поводу ура-патриотизма. И у нас возник спор. А я знал точно, что за публикациями стоит один член Политбюро, которого мой собеседник считал патриотом. Информация была, видимо, новостью. Конечно, сказал он горячо, в политике этот человек — дуболом. Но человек-то он честный?!

В этих словах, возможно, сам Распутин. Мудрый. Талантливый. Честный. И потому и других старающийся считать честными... В этом драма?

Прошлый год, 6 июня, пушкинский день. Наш общий товарищ, писатель и руководитель издательства "Воскресенье" Георгий Прякин устроил прием — с участием Валентина Григорьевича. Мы не виделись несколько лет. Сколько утекло воды. Сколько пролилось демократии... Почему-то возникло сомнение: а поздороваемся ли? Шаг, два шага навстречу. Рукопожатие. По-прежнему крепкое.

Спустя какое-то время я оказываюсь на одном обеде с Распутиным. Все знакомы. И разговор доверительный. Хороший, человеческий разговор. И вопрос: "Вас печатают сейчас за границей, Валентин Григорьевич?" Спокойный взгляд больших умных глаз: "Мы были нужны, когда разрушали государство..."

Не помню, тогда или в другой раз разговор, как нынче обычно, получился не самый веселый. И я вспомнил к случаю свою соседку, там, где неподалеку когда-то работал директором сельской школы. Соседка моя, Филонтьевна, пожилая женщина, фронтовая шоферка, с крупными руками, какие у мужиков редко бывают. И вот дочь, теперь москвичка, рассказывает, как мать попросила нарядить ее на "просмерть" (так в тех местах говорят). Но купила дочь раз тапочки. Мать второй раз просит. Приехала, а она в тех тапочках "на просмерть" в огород ходит... Да что ж ты, мать, эти смертные тапочки коллекционируешь что ли?!

Валентин Распутин — это я запомнил точно — засмеялся легко, не с тяжелой душой. Как лет 15 назад. Когда было меньше седины. Когда мы печатали беседу. А она называлась почти так же, как и его знаменитая повесть, "Живу и верю".

Валентин Распутин живет и верит.

Александр АФАНАСЬЕВ.

Увы, сегодня не все писатели на телеэкране в почете. Посмотрите субботнюю программу телепередач, только на ОРТ вспомнили о юбилее Валентина Распутина, предложили посмотреть фильм по его произведению. Зато какой фильм! "Уроки французского"! В роли учительницы Лидии Михайловны — Т. Васильева.